

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТА ГЛАВНЫХ КОНСТРУКТОРОВ: ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ЛЮБОВЬ ПАВЛОВНА ВЕРШИНИНА*

В статье на основе анализа различных документальных и мемуарных источников рассматриваются некоторые вопросы образования и деятельности легендарного Совета главных конструкторов ракетной техники, само существование которого было обусловлено необходимостью решения важнейших задач послевоенного развития страны. Форма этой деятельности в виде совещания главных конструкторов стала важным организационным моментом в истории становления и развития новой для середины XX в. сферы жизни – ракетной, а затем и ракетно-космической отрасли.

По результатам исследования был сделан ряд выводов, не всегда согласующихся с устоявшейся точкой зрения на процесс образования Совета главных. В частности, было установлено, что рождение коллектива Главных конструкторов ракеты дальнего действия не могло произойти во время работы советских специалистов при изучении трофейной техники в советской зоне оккупации Германии. Форма согласования технических вопросов в виде прямого совещания специалистов различных систем родилась лишь при первых полигонных испытаниях Фау-2 в Капустином Яре в 1947 г.

Исследованы также такие вопросы, как разделение функций и сфер ответственности между главными конструкторами и руководством соответствующих министерств, а также возможные подходы к использованию термина «Совет главных».

Полученные выводы являются предварительными и требуют тщательного исследования огромного количества источников, ставших в последние годы гораздо более доступными исследователям.

Ключевые слова: Главный конструктор, ракетостроение, ракетно-космическая отрасль, исторические исследования.

* Центральный научно-исследовательский институт машиностроения. Россия, 141070, Московская обл., Королев, ул. Пионерская, д. 4. E-mail: vega100@mail.ru.

Автор приносит искреннюю благодарность бывшему ведущему сотруднику ЦНИИмаш А. А. Еременко за ряд ценных замечаний и советов при написании статьи.

FROM THE HISTORY OF THE COUNCIL OF CHIEF DESIGNERS: A DOCUMENTED INVESTIGATION

LYUBOV PAVLOVNA VERSHININA[□]

Using historical documents and participants' memoirs, the article questions some conventional assumptions regarding the organization and activities of the Council of Chief Designers, a committee that coordinated the development of missile technology and space launches in the Soviet Union. The work of the Council responded to key challenges of postwar reconstruction and development and spearheaded the establishment of a new branch of the economy: rocketry and space exploration. The author disputes the frequently held view that the origin of the Committee of Chief Designers goes back to post-1945 occupied Germany, where Soviet engineers studied the remains of the wartime German missile program. The meetings of leading designers with the goal of discussing and coordinating various aspects of the new technological system started at a somewhat later date, 1947, during the first launches at Kapustin Yar, the missile testing range in the lower Volga area. The article also discusses the origin of the Council's name, and the division of responsibility and authority among the designers, and between their Council and the official ministries of the state.

Keywords: Council of Chief Designers, rocketry and space industry, space history.

История Совета главных конструкторов ракетно-космической техники является одним из наиболее популярных сюжетов истории космонавтики. Большое внимание этому вопросу было уделено, например, в мемуарах академика Б. Е. Чертока «Ракеты и люди». Много об этом написано и другими авторами, в частности, известны воспоминания А. И. Осташева, В. П. Бармина, работы Г. С. Ветрова, дневники Н. П. Каманина и многие др.

В 2007 г. издательством «Патриот» был выпущен фотоальбом «Совет Главных», подготовленный журналистом Е. Т. Белоглазовой. Это издание является хотя и наиболее полным на сегодняшний день, но чисто компилятивным собранием информации о жизнедеятельности шести самых известных главных конструкторов первых советских баллистических ракет и космических аппаратов С. П. Королева, В. П. Глушко, В. П. Бармина, В. И. Кузнецова, Н. А. Пилюгина и М. С. Рязанского. Книга впитала почти все общепринятые сведения по данной теме, среди которых, как показывают документы, встречаются заблуждения. В нашем случае цитаты из альбома будут использованы для иллюстрации рассматриваемых точек зрения.

Первые попытки исследования истории Совета главных предпринимались автором еще 13 лет назад в стенах Музея первого полета в г. Гагарине. Затем уже в Москве изучение данного вопроса продолжалось с переменной интенсивностью. Общение с ветеранами различных предприятий отрасли, семьями главных конструкторов, историками, работа с архивными документами и публикациями, создание музейных и виртуальных выставок по теме в общей сложности дали богатый материал для анализа.

[□] TsNIIMash (Central Research Institute of Machine Building). Ul. Pionerskaya, 4, Korolev, Moskovskaya obl., 141070, Russia. E-mail: vega100@mail.ru.

Автор не ставит целью связное и цельное изложение истории деятельности Совета главных, основная задача – обозначить лишь те аспекты данного вопроса, приблизиться к решению которых позволяют имеющиеся в распоряжении документы. К сожалению, в силу ограниченного доступа к историческим источникам пока не на все затронутые вопросы были получены ответы.

Те немногие выводы, которые, тем не менее, удалось сделать в результате исследования, в некоторых моментах отличаются от сложившихся представлений о Совете главных. Однако автор претендует на объективность этих выводов, потому что получены они путем тщательного анализа разнообразных по видам источников, а также в результате обсуждения данной темы с историками.

Что дала Германия?

После окончания Второй мировой войны, примерно с середины 1945 по начало 1947 г., в поверженную Германию, являвшуюся одной из наиболее технически развитых стран, было командировано большое количество советских специалистов. Здесь многие из них впервые столкнулись с достижениями немцев в области техники и технологии, с масштабами проводившихся Третьим рейхом работ по созданию новейших образцов вооружения.

В числе командированных в Германию были и будущие главные конструкторы различных систем советских ракетно-космических комплексов Королев, Глушко, Бармин, Кузнецов, Пилюгин, Рязанский. Роль каждого из этих личностей в истории страны огромна. По мнению многих авторов исторических публикаций, эти шесть человек составили легендарный Совет главных конструкторов, деятельности которого мы во многом обязаны первоначальными успехами Советского Союза в космонавтике.

Рождение вышеназванного совета традиционно относят ко времени германской командировки и работы Специальной технической комиссии по изучению немецкой трофейной техники. Например, в фотоальбоме «Совет Главных» читаем такое мнение:

Именно в Германии созрело понимание того, что нужно создать единый союз главных конструкторов различных систем. Потому что разработка систем управления или двигателя – задача отнюдь не более легкая, чем создание корпуса самой ракеты, за которую непосредственно отвечает ее главный конструктор. Глушко так и говорил: «Привяжите мой двигатель к воротам, и ворота полетят не хуже вашей ракеты» [...]

По этому поводу очень точно сказал С. П. Королев: «Основное наше достижение в Германии – это не то, что мы изучили технику, а то, что создали коллектив единомышленников»¹.

Еще конкретнее эта мысль выражена в биографии В. П. Глушко:

В конце июня 1945 года с Центрального аэродрома в Москве взлетел выдавший виды Ли-2. На борту находилась группа специалистов в воен-

¹ Белоглазова Е. Т. Совет Главных. М.: Патриот, 2007. С. 25.

ной форме: инженеры Н. А. Пилюгин, В. И. Кузнецов, М. С. Рязанский, В. П. Бармин, бывшие заключенные и «вольняшки» казанской «шарашки» В. П. Глушко, Д. Д. Севрук, Г. Н. Лист, Н. Л. Уманский, М. Д. Назаров и другие ².

При первом прочтении возникает ощущение, что еще до начала германской командировки все будущие главные конструкторы ракеты были уже собраны кем-то неизвестным в одну команду. Вот только Королев припозднился.

В обоих этих высказываниях необходимо разобраться, потому что они выражают довольно устоявшееся мнение. Итак, насколько правомерно считать местом рождения Совета главных конструкторов Германию? Что говорят документы, касающиеся каждого из наших героев, о начале этой знаменитой командировки?

Пилюгин находился в Германии с августа 1945 по декабрь 1946 г. ³

Кузнецов – с мая по декабрь 1945 г. ⁴

Бармин – с июня 1945 по декабрь 1946 г. ⁵

Глушко, согласно его же докладной записке Л. М. Гайдукову, находился в Германии с 27 июля 1945 г. ⁶

Так что лететь в одном самолете в командировку они точно не могли. Следует, впрочем, сделать одну оговорку. Командированные специалисты иногда возвращались и после кратковременного пребывания на Родине по пути в Германию действительно могли оказаться попутчиками. Во всяком случае, мы имеем свидетельство одного такого совпадения, о котором Н. А. Пилюгин сообщает в письме жене:

... ты уже и с Кузнецовым Виктором Ивановичем успела познакомиться, а я только собирался это сделать. Это хорошо, что ты с ним познакомилась. Мы с ним в один день выехали из Москвы и первое время жили вместе⁷.

Тем не менее, утверждение об одновременном вылете всех будущих главных конструкторов является неоправданно смелым. И всё же имеет смысл выяснить, могло ли в Германии сложиться реальное единство будущих главных конструкторов? И является ли высказывание Королева о наших достижениях в Германии подтверждением деятельности Совета главных конструкторов в 1946 г.?

При решении первого вопроса необходимо иметь в виду, что в советскую зону оккупации Германии приезжали специалисты, направляемые туда руководителями в интересах своих ведомств. Нужно было найти и изучить те ноу-хау, которые были у немцев, но которых, вероятно, еще не было у нас. И каж-

² Качур П. И., Глушко А. В. Валентин Глушко. Конструктор ракетных двигателей и космических систем. СПб.: Политехника, 2008. С. 396.

³ Государственное бюджетное учреждение «Центральный государственный архив города Москвы» (ГБУ «ЦГА Москвы»). Ф. Л-306. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁴ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-297. Оп. 1. Д. 22. Л. 25.

⁵ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-319. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.

⁶ Избранные работы академика Глушко. Химки: ОАО «НПО ЭНЕРГОМАШ имени академика В. П. Глушко», 2008. Ч. 1. С. 13.

⁷ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-306. Оп. 1. Д. 20. Л. 3 об.

дое ведомство стремилось заполучить найденные трофеи по максимуму. Вот как пишет об этом Черток в своей первой книге:

Надо было срочно искать обходные пути для отправки на фронт с целью приоритетного захвата ракетных интеллектуальных трофеев. Мы понимали, что от того, что мы увидим, найдем и сможем потом испытать у себя, во многом зависит будущее наших программ⁸.

И такими настроениями были охвачены специалисты всех ведомств, что приводило иногда к обострению отношений. Подтверждение этому есть опять в той же книге Чертока, где описывается эпизод с найденной в штольнях гироскопической платформы:

Увидев у нас в лаборатории гироскопическую платформу, Виктор Кузнецов заявил, что ее нужно сейчас же отправить в Москву в его институт. Но не тут-то было. Пилюгин категорически возражал. Это было первым серьезным конфликтом между двумя будущими главными⁹.

Конечно, этот эпизод относится к 1945 г., и взаимоотношения специалистов вполне могли измениться по мере работы в Германии. Некоторые ожидания такого исхода у Чертока присутствуют в описании совещания с Устиновым перед возвращением на Родину:

После того как комиссия расправилась с расстановкой и распределением кадров, дележ лабораторий и производственного имущества прошел достаточно спокойно. Устинов потребовал, чтобы мы увеличили производство документации так, чтобы никому не было отказа в получении нужного количества комплектов. Но оригиналы – кальки и «кальки с калек» – должны быть в центральном архиве НИИ-88¹⁰.

Несмотря на договоренность, возобновление «борьбы за трофеи» не заставило себя ждать. Читаем далее все у того же Чертока:

После сравнительно мирного дележа лабораторий снова возникли проблемы, кому, чего и сколько достанется из собранных более чем за год технических богатств. Укомплектование двух спецпоездов было проведено во многом за счет аппаратуры и испытательного оборудования лабораторий. Институты в Москве должны иметь свои лаборатории, а укомплектовать их там уже будет невозможно¹¹.

Именно бедность отечественной производственно-технической базы являлась главной причиной того, что конкурентная борьба продолжалась и после возвращения из Германии. Об этом можно составить очень яркое впечатление при исследовании документов, опубликованных в 2008 г. НПО «Энергомаш». В письме начальника 14-го Специального главного управления Министер-

⁸ Черток Б. Е. Ракеты и люди. М.: Машиностроение, 1994. С. 42.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Там же. С. 176.

ства авиационной промышленности (МАП) Еремеева, директора завода № 456 Плоскинного, главного конструктора ОКБ-456 Глушко министру МАП Хруничеву от 21 января 1947 г. читаем:

Министерству вооружения (НИИ-88) отправлен из Германии комплект литейной оснастки на детали двигателя (модели, стержневые ящики, холодильники и проч.). Требования отправить этот комплект нашему заводу были отклонены в Германии. Несмотря на предписание из Москвы, генералом Носовским была раскомплектована испытательная станция в г. Лехестен, откуда были забраны 2 уникальных сферических бака для жидкого кислорода по 2,5 м³ емкостью и переданы НИИ-88 МВ (Министерства вооружения. – Л. В.)¹².

Через некоторое время в докладной записке на имя Г. М. Маленкова от 28 марта 1947 г. главным конструктором ОКБ-456 Глушко, кроме прочего, высказаны аналогичные претензии:

Одновременно с заводом № 456 НИИ-88 ведет конструкторские разработки двигателей на 25 т и более. Организует производство и лаборатории для этих двигателей. Спрашивается, какую цель преследует МВ, пытаясь дублировать работу МАП по двигателям. Положительные стороны этого трудно усмотреть, а отрицательные мешают работать. НИИ-88 задерживает и не дает заводу № 456 прибывшие из Германии материалы, необходимые для изготовления двигателей. МАП никак не может получить из НИИ-88 единственный комплект литейной оснастки по двигателю (модели деревянные и металлические, стержневые ящики и холодильники и пр.). Отчеты по испытаниям, проведенным нами в Германии на испытательной станции (г. Лехестен), чертежи 100-тонной камеры сгорания, выполненные там же и тоже под руководством ОКБ-456, и многие другие материалы по сей день мы не можем получить из НИИ-88. Часть оборудования испытательной станции двигателя в г. Лехестен забрана в НИИ-88 несмотря на категорические протесты МАП (2 сферических бака для жидкого кислорода по 2,5 м³ емкостью)¹³.

Итак, ведомственная разобщенность и своего рода конкуренция в Германии были налицо, по окончании работы спецкомиссии они никуда не исчезли, что мы и видим из цитируемых документов 1947 г.

И все же давайте посмотрим, располагаем ли мы свидетельствами тесных отношений будущих главных конструкторов в германский период. У нас имеются совместные фотографии С. П. Королева, Н. А. Пилюгина и М. С. Рязанского (см. рис. 1), а также снимки С. П. Королева и Н. А. Пилюгина, М. С. Рязанского и Н. А. Пилюгина. Следует оговорить одну особенность этих свидетельств. Королев в компании с вышеназванными специалистами сфотографирован исключительно в форме подполковника, т.е. до назначения главным инженером института «Нордхаузен».

Полагаю, что в этот период его знакомство с будущими соратниками едва ли выходило за рамки шапочного. Почему? Нельзя забывать, что Сергей Пав-

¹² Избранные работы академика Глушко... С. 45–46.

¹³ Там же. С. 65–66.

Рис. 1. Сотрудники института РАБЕ в гостях у Бригады особого назначения. Слева направо: М. С. Рязанский, С. П. Королев, Н. А. Пилюгин, Ю. А. Победоносцев. 1 мая 1946 г.

лович был на тот момент мало кому известен. Недавно освобожденный, для «профсоюзных» офицеров он был «темной лошадкой». На этих же снимках неизменно присутствует Ю. А. Победоносцев, старый товарищ и соратник по ГИРДу и РНИИ. Скорее всего, присутствие Королева на данных снимках было обусловлено именно его дружескими отношениями с Юрием Александровичем, а никак не общением с Пилюгиным и Рязанским. После назначения Королева главным инженером института «Нордхаузен» летом 1946 г. их общение, наверняка, было более официальным, что опять же частично подтверждается отсутствием общих снимков этого периода.

В письмах Н. А. Пилюгина этого периода (более 150 страниц) упоминаний имени Королева нет ни в 1945, ни в 1946 гг., т. е. их дружба, описанная в разных источниках, началась не раньше возвращения на родину. Зато из письма Николая Алексеевича жене от 22 марта 1946 г. можно составить представление о достаточно теплых отношениях, сложившихся у него с М. С. Рязанским:

Мы с Рязанским много на тему «где мы будем» много говорили и пришли к единому мнению: нужно продолжать начатое дело. Кроме того, мы в это дело глубоко вросли с пустого места, да и дело очень интересное и многое обещающее с точки зрения технического интереса ¹⁴.

Совместных снимков Кузнецова с кем-либо из главных не известно. Почему? Согласно документам, В. И. Кузнецов находился в Германии, Австрии, Чехословакии с мая по декабрь 1945 г., а затем только в январе–феврале и ноябре 1947 г. ¹⁵ В 1945 г., подводя итоги изучения немецкой техники, он написал третий том отчета Междудекомственной комиссии ¹⁶, а затем вернулся в Советский Союз. Практически весь 1946 г. Виктор Иванович не контактировал лично ни с кем из своих будущих соратников. Впрочем, несмотря на

¹⁴ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-306. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

¹⁵ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-297. Оп. 1. Д. 22. Л. 25, 49.

¹⁶ Там же. Л. 12.

описанный Чертоком инцидент между В. И. Кузнецовым и Н. А. Пилюгиным (см. выше), в письмах Николая Алексеевича есть несколько доброжелательных отзывов о Викторе Ивановиче.

На момент германской командировки С. П. Королев уже более десяти лет был знаком с В. П. Глушко и работал с ним в течение длительного времени. Потенциально они могли быть близки больше, чем кто-либо из рассматриваемой группы, но тогда справедливо было бы заметить, что их сплочение произошло не в Германии, а значительно раньше. В Германии же, наоборот, появились условия для некоторых претензий друг к другу, о чем уже было сказано. По мнению автора, приведенная ранее фраза Валентина Петровича о «воротах с привязанным двигателем» из фотоальбома «Совет Главных» мало свидетельствует о понимании им необходимости «создать единый союз главных конструкторов различных систем». Точно так же мы не располагаем совместными фотографиями Валентина Петровича с кем-либо из рассматриваемых деятелей, сделанными в Германии.

Особенное место среди наших героев по праву принадлежит В. П. Бармину. Во время войны он занимался разработкой и производством многозарядных пусковых установок для реактивных снарядов, прозванных в народе катюшами. К началу 1945 г. Бармин был уже состоявшимся руководителем и в вопросах реактивной техники являлся признанным специалистом. Его заслуги перед государством к этому времени были отмечены Сталинской премией, орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и высшим полководческим орденом Кутузова I степени.

Поэтому Владимир Павлович был командирован в Германию не заводом «Компрессор», главным конструктором которого он являлся, и даже не Народным комиссариатом минометного вооружения. Бармин отправился в советскую зону оккупации Германии по спецзаданию ЦК ВКП(б) и СМ СССР¹⁷ в качестве технического руководителя Специальной технической комиссии в Германии, что подтверждается серией документов¹⁸.

Таким образом, Бармин занимался всеми видами реактивной техники: зенитными управляемыми ракетами, пороховыми реактивными снарядами и баллистическими ракетами, а также осуществлял общее техническое руководство работами в различных первоначально сформированных технических группах, а с мая 1946 г. являлся главным инженером института «Берлин» по изучению зенитных управляемых ракет¹⁹.

Имея такие полномочия, общался ли он с кем-нибудь из знаменитой шестерки конструкторов? Что об этом могут сообщить документы? Увы, явных

¹⁷ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-319. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.

¹⁸ Развернутый тематический план комиссии от 27 января 1946 г., отображающий тематику всех бюро и групп по реактивной технике, подписан техническим руководителем инженер-полковником Барминым (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7317. Оп. 22. Д. 3. Л. 289–298).

Также под «Планом работ Специальной технической комиссии в Германии по изучению немецкой ракетной техники на 1946 г.» от 6 мая 1946 г. стоят подписи технического руководителя инженер-полковника Бармина и начальника штаба подполковника Рашкова (Там же. Л. 253–259).

¹⁹ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-319. Оп. 1. Д. 50. Л. 8 об.

свидетельств таких контактов пока не обнаружено. В записной книжке Бармина есть, правда, одна страничка, расшифровка содержания которой могла бы дать некоторый ответ (см. рис. 2). Сначала перечислены четыре имени:

Берг Аксель Иванович
Шокин Александр Иванович
Мирвис Александр Ильич.
Глушко Валентин Петрович.

Ниже:

Решение ГОКО 97-75сс от 8 июля с/г ²⁰.

В последней строке, вероятно, ошибка, потому что существует постановление ГОКО (Государственного Комитета Оборона) № 9475 от 8 июля

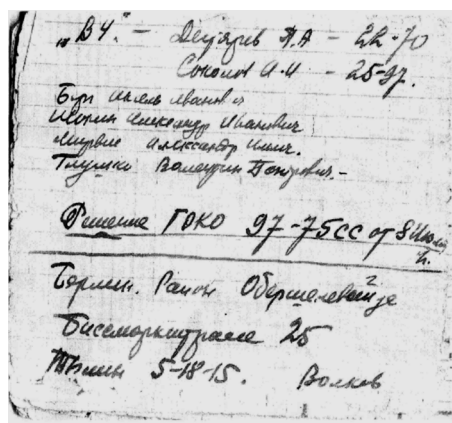

Рис. 2. Страница записной книжки
В. П. Бармина. 1945 г. (ГБУ «ЦГА Москвы».
Ф. Л-319. Оп. 1. Д. 7. Л. 2).

1945 г. «О сборе и вывозе материалов, образцов и технической документации по немецким реактивным снарядам и реактивному вооружению». Видимо, эти две записи как-то связаны, так как Бармин отделил их чертой от остальной информации. В этой же книжке встречаются фамилии и других советских специалистов, но около тех имен проставлены номера телефонов. В любом случае эта запись пока не позволяет однозначно сказать, что в Германии В. П. Бармин и В. П. Глушко контактировали. Вопрос требует исследования.

О существовании фотографий или каких-либо других документов, показывающих взаимодействие Бармина с кем-нибудь из знаменитой шестерки в этот период, также ничего не известно. Его старший сын Владимир находился в Германии в возрасте пятиклассника и тоже не припоминает контактов Владимира Павловича с кем-либо из будущих главных конструкторов.

Итак, в Германии Бармин был вне конкуренции, наверняка знал как минимум Глушко и Королева, но свидетельств их более или менее тесного общения мы не имеем.

К началу 1947 г. все шесть рассматриваемых нами деятелей уже вернулись в Советский Союз. Они сделали в Германии всё, что могли. Теперь дома перед каждым встала насущная задача – разобраться с конструкцией Фау-2 настолько, чтобы на ее основе создать собственную ракету Р-1.

До появления этой задачи никаких предпосылок для объединения усилий главных конструкторов (формального или неформального) не было. Так же,

²⁰ Там же. Д. 7. Л. 2.

как не могло быть первого заседания этого совета 23 сентября 1946 г., о чем пишут некоторые источники. В подтверждение последнего предложения приведу два факта.

Несмотря на то что постановление от 13 мая 1946 г. определило головные министерства и предприятия по различным системам ракеты дальнего действия, конкретные главные конструкторы выявились не сразу. Вслед за выходом указанного постановления члены Спецкомитета на две недели вылетели в Берлин для ознакомления с проводящимися работами и принятия необходимых мер по изучению и освоению немецкой реактивной техники, а возвратившись, начали проработку проекта постановления «Об организации работ по воссозданию ракеты дальнего действия А-4 (ФАУ-2)». Вариант проекта от 29 июня 1946 г. зафиксировал тот состав технического руководства по РДД, который мы привыкли видеть в истории отечественного ракетостроения: С. П. Королев, В. П. Глушко, М. С. Рязанский, В. И. Кузнецов, В. П. Бармин²¹.

Однако к сентябрю проект постановления был настолько переработан, что можно говорить о создании совершенно другого документа, получившего название «О производстве опытной серии ракет дальнего действия Фау-2 и о мерах по дальнейшему усовершенствованию этих ракет». Изменения коснулись в т. ч. и кадровых предложений: начальником и главным конструктором ГСКБ Спецмаша ММиП, ответственного за создание стартового комплекса Фау-2, был предложен начальник отдела Главхиммаша этого же министерства Степан Георгиевич Горюнов²².

Впрочем, в декабре 1946 г. было совершенно ясно, что Бармин возвращается из Германии именно в ГСКБ, а как минимум с января 1947 г. он – начальник и главный конструктор предприятия. Однако неопределенность сферы ответственности Бармина сохраняется еще какое-то время, что следует из фрагмента подготовленных Королевым в 1947 г. для доклада правительству «Заметок по ракетной технике»:

Весьма желательно, чтобы все работы по наземному оборудованию объединялись одним главным конструктором соответствующего профиля. В настоящее время ответственными за наземное оборудование являются конструкторы пяти различных ведомств²³.

В качестве даты написания «Заметок» автор-составитель Г. С. Ветров указал 6 февраля 1947 г. Из текста документа следует, что он подготовлен в марте; вероятно, при публикации допущена ошибка. Далее в этом же документе читаем предложения Королева правительству:

2. Обязать соответствующие ведомства закончить взаимное согласование чертежей, технических заданий, требований и другой документации по изготовлению ракет Р-1 к 1 июня 1947 г.

²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8157. Оп. 1. Д. 1074. Л. 75.

²² Там же. Л. 147.

²³ С. П. Королев и его дело. Свет и тени в истории космонавтики. Избранные труды и документы / Ред. Б. В. Раушенбах. М.: Наука, 1998. С. 116.

3. Обязать соответствующие ведомства решить вопрос о назначении главного конструктора, обеспечивающего техническое руководство по всему комплексу наземного оборудования²⁴.

Итак, в марте 1947 г. Бармин еще не являлся единоличным главным конструктором стартового комплекса ракеты дальнего действия. Более того, Королев (см. п. 2) предлагает *обязать ведомства согласовывать* различную техническую документацию по проекту ракеты Р-1. В марте 1947 г. не было еще даже мыслей о работе со смежниками напрямую!

Эти документы, а также отсутствие Кузнецова в 1946 г. в Германии подтверждают лишний раз, что никакого заседания Совета главных конструкторов не только в указанную дату, но и в последующие несколько месяцев после командировки в Германию не было и быть не могло.

Подводя некоторый итог германской командировки для рассматриваемых нами шести конструкторов с точки зрения перспективы их совместной деятельности, с уверенностью можно сказать, что там для каждого из них определилось направление дальнейших работ. Там же они, как и остальные специалисты, впервые увидели, с каким размахом должны вестись эти работы для получения реального результата. Тем не менее необходимо отметить, что сохранившиеся свидетельства не подтверждают факта формирования Совета главных конструкторов в указанный период. Поэтому как минимум некорректно утверждать, что Королев, говоря о «коллективе единомышленников», подразумевал именно деятельность этого совета.

Что же тогда имел в виду Сергей Павлович? Во-первых, фраза, приведенная в фотоальбоме «Совет Главных», неточна. В действительности рукой Сергея Павловича написано:

Самое ценное было в Герм[ании] (троф[ейная] техника) не сама техника, а то, что мы все объединились и создали основы коллектива. – Дать уровень техники на это время – он невысок был! И показать, как дальше развились отношения гл[авных] кон[структоров] и даже министерств²⁵.

Следует иметь в виду, что данный документ датирован 1964 г., когда взаимоотношения главных конструкторов уже имели осязаемое воздействие на результаты деятельности. После Германии к этому моменту прошло уже 17 лет. Восприятие самим Сергеем Павловичем германских событий за такое длительное время изменилось. Тем не менее не надо спешить трактовать данное высказывание Королева как однозначное признание существования на тот момент Совета главных.

Позволю себе высказать свое мнение по этому поводу. Школу трофейной техники прошли порядка тысячи специалистов разного уровня и профиля: от солдат и офицеров гвардейских минометных частей до заместителей министров различных отраслей промышленности. Большинство из них по возвращении на родину составило тот костяк «посвященных» в реактивную

²⁴ Там же. С. 118.

²⁵ ... Был веку нужен Королев. По страницам архива Мемориального дома-музея С. П. Королева / Ред. Ю. М. Соломко. М., 2002. С. 65.

технику, который обрастал потом вновь приходящими специалистами, военнослужащими и рабочими. Еще раз подчеркну, что вернувшиеся из Германии советские специалисты затем работали и служили как в воинских соединениях и на полигонах, так и на предприятиях различных министерств и в самих министерствах. Это обстоятельство было одним из главных условий достаточно быстрого разворачивания работ по ракетной технике в масштабах всей страны и создания большой кооперации участников работ.

Где искать начало?

На сайте Российского государственного архива научно-технической документации к 100-летию со дня рождения Королева были размещены воспоминания А. И. Осташева, ведущего испытателя ОКБ-1, в которых фигурирует указание на совещание главных конструкторов в июне 1947 г. Судя по тексту, это совещание не было первым, но пока это самое раннее упоминание Совета главных, встреченное в источниках. Приведем полностью текст, касающийся данного совещания:

Заседание у главного конструктора С. П. Королева, состоявшееся 13 июня 1947 г., можно считать одним из веховых, определяющих, с одной стороны, становление нашей техники в послевоенные годы, с другой стороны, становление Совета главных конструкторов как идеологического, научно-технического органа, который в скором будущем принял на себя проблемы и задачи новых разработок, включая их организацию и координацию.

Характерным для того времени была необходимость параллельно решать две главных проблемы, две главных группы задач:

- научиться проектировать, изготавливать и испытывать ракеты дальнего действия. Научиться не только индивидуально, но и коллективно.
- «научить» создаваемые ракеты летать.

Вполне естественно, что обе группы задач в первую очередь требовали от специалиста любого уровня максимальной скрупулезности, внимательности и тщания при решении любого вопроса. Поэтому не случайно, что такой в наше время «простой» вопрос, как изготовление и поставка пиропатронов для ракет, был предметом обсуждения на заседании у главного конструктора.

На этом заседании оговаривались не только характеристики будущих пиропатронов, но и вопросы, связанные с установкой этих пиропатронов на ракете.

Характерно, что уже в это время достаточно четко проявлялось стремление С. П. Королева к расширению и развитию кооперации работ. Так, поскольку на сей раз рассматривались пиропатроны для зажигательных устройств двигателя, было принято решение о поставке пиропатронов в комплекте с деревянной крестовиной, которая обеспечивает их удержание внутри камеры сгорания перед запуском.

Таким образом, С. П. Королев повышал заинтересованность поставщика пиропатронов: поставлялись уже не пиропатроны, а комплектные узлы с пиропатронами. Кстати в решении отражены вопросы увеличения стоимости заказа. Все это повышало заинтересованность поставщика.

В то же время, учитывая трудности первых послевоенных лет, в решении оговаривалась помощь поставщику в изготовлении заказа со стороны головной организации – предусматривалась передача поставщику цинковых оболочек пиропатронов, а также предоставление права поставщику самому выбрать материалы для изготовления оболочек²⁶.

Из текста воспоминаний трудно определить источник, из которого Осташев взял описание данного события. Присутствовать лично на совещании он не мог, так как в НИИ-88 пришел лишь в июле 1947 г. и то только дипломником. Также необходимо иметь в виду, что данный текст записывался в 1993 г., и это не первые воспоминания Аркадия Ильича. По причинам, которые будут изложены ниже, оставим данное свидетельство без комментариев.

Зато очень благоприятные условия для тесного взаимодействия главных конструкторов сложились в процессе летных испытаний ракеты А-4. К середине 1947 г., по всей видимости, неувязки в разграничении ответственности за различные системы ракеты были преодолены. 26 июля 1947 г. вышло постановление Совета министров СССР № 2643-818 «О проведении в 1947 году опытных пусков ракет А-4 (Фау-2)»²⁷. Во исполнение этого постановления с 15 октября по 13 ноября 1947 г. на полигоне Капустин Яр были проведены пуски 11 таких ракет.

В течение полутора месяцев члены комиссии по проведению опытных пусков, главные конструкторы, специалисты, военные не просто находились в непосредственной близости друг от друга – весь этот коллектив жил одной жизнью, выполняя общую для всех задачу.

Из технического отчета государственной комиссии о проведении опытных пусков ракет дальнего действия А-4 в октябре – ноябре 1947 г. от 28 ноября 1947 г. следует, что:

Техническое руководство пусками было возложено на главного конструктора НИИ-88 МВ по ракетам дальнего действия тов. Королева С. П.

Заместителями технического руководителя пусков были:

1. По двигателю ракеты – главный конструктор ОКБ-456 МАП тов. Глушко В. П.

2. По системе управления ракетой – главный конструктор НИИ-885 МПСС (Министерства промышленности средств связи. – Л. В.) тов. Рязанский М. С.

3. По гиросистеме – главный конструктор НИИ-10 МСП (Министерства судостроительной промышленности. – Л. В.) тов. Кузнецов В. И.

4. По наземному пусковому и заправочному оборудованию – главный конструктор ГСКБ ММИП (Государственного специального конструкторского бюро Министерства машиностроения и приборостроения. – Л. В.) тов. Бармин В. П.²⁸

²⁶ Осташев А. И. Совет Главных // Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 33. Оп. 1. Д. 20.

²⁷ Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945 – 1959 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С. 133–134.

²⁸ Там же. С. 144.

Рис. 3. Техническое руководство пусками ракеты А-4 (слева направо): В. П. Глушко, М. С. Рязанский, В. П. Бармин, С. П. Королев, В. И. Кузнецов. Капустин Яр, октябрь 1947 г.

Итак, коллектив, который мы называем «Советом главных конструкторов» (см. рис. 3) изначально состоял из пяти человек и официально именовался «Техническим руководством летными испытаниями ракеты А-4».

Н. А. Пилюгин начинает фигурировать в качестве Главного конструктора только с 1948 г.

Поскольку мемуары Чертока являются в некотором роде «энциклопедией истории развития отечественной ракетной техники», то обратимся к ним снова.

...в процессе первых полигонных испытаний организационно окреп неформальный орган – Совет главных конструкторов во главе с Сергеем Павловичем Королевым. Авторитет этого совета как межведомственного, не административного, а научно-технического руководства для всей последующей нашей деятельности имел решающее значение ²⁹.

В этом высказывании Бориса Евсеевича хочется обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, Черток называет Совет главных конструкторов органом научно-технического руководства. Практически такую же формулировку мы встретили в цитируемом выше документе.

Вторая особенность даже при полном прочтении мемуаров бросается в глаза не сразу: вынося свой вердикт о деятельности Совета, Черток, тем не менее, ни разу не упомянул и уж тем более не описал ни одного совещания главных конструкторов в Капустинском Яре за 1947 г. (как, впрочем, и за мно-

²⁹ Черток. Ракеты и люди. С. 195.

гие последующие годы). Все обсуждения на полигоне, которых он касается в этот период, имели место на заседаниях госкомиссии. Возникает вопрос: а было ли хотя бы одно совещание главных конструкторов в «чистом виде» при пусках ракеты А-4?

Если здраво рассудить, то едва ли. Полагаю, что в тот период и не могло быть деления на совещания либо главных конструкторов, либо госкомиссии. Для всех присутствующих на полигоне всё было впервые. Работа при первых испытаниях была настолько сконцентрирована, что выделить отдельные виды заседаний, скорее всего, было невозможно. Поэтому, по методу поглощения, все совещания на полигоне были заседаниями Государственной комиссии.

Говоря о смысле деятельности Совета главных конструкторов, мы, как правило, заявляем о том, что схема такого совещания позволяла решать вопросы и принимать технические решения напрямую, минуя вышестоящие инстанции. Но если в 1947 г. в Капустином Яре все вопросы обсуждались на госкомиссии, то неплохо бы рассмотреть ее состав:

Руководство проведением опытных пусков Правительство СССР возложило на специальную комиссию в составе:

1. Яковлева Н. Д. – МВС (Министерство вооруженных сил. – Л. В.) – председатель
2. Устинова Д. Ф. – МВ
3. Серова И. А. – МВД
4. Воронцова Н. И. – МПСС
5. Терентьева В. П. – МСП
6. Виноградова В. И. – МВС
7. Кочнова Н. И. – ММиПС (опечатка, имеется в виду ММиП. – Л. В.)
8. Воробьева М. П. – МВС
9. Сукова М. К. – Главкислород
10. Ветошкина С. И. – МВ
11. Жигарева П. Ф. – ВВС МВС
12. Шишкина С. Н. – МАП³⁰.

Сделаем пару ремарок по вышеприведенному тексту.

1. Первая комиссия по пускам называлась специальной комиссией, а не государственной, вероятно, по аналогии со Спецкомиссией, под эгидой которой работали будущие ракетчики в Германии.

2. В комиссию входили в должностном отношении: начальник Главного артиллерийского управления, министр вооружения, заместители министров соответствующих министерств, начальник Главкислорода, военачальники.

Но тогда получается, что, обсуждая совместно, внутри спецкомиссии, все технические проблемы, связанные с пуском А-4, наши главные конструкторы не имели потребности в изменении установившихся традиций. Поскольку вышестоящее министерское руководство находилось здесь же, традиционное ведомственное согласование происходило автоматически.

Эффективность работы комиссии путем прямого совещания специалистов различного ведомственного подчинения могла быть оценена не только Коро-

³⁰ Задача особой государственной важности... С. 144.

левым, но и другими участниками испытаний. Эта эффективность определялась отсутствием бюрократической волокиты и максимальным использованием творческого потенциала коллектива соратников. Поэтому подобные совещания обязательно должны были рано или поздно начаться на так называемой «большой земле».

Принципиальным моментом рождения рассматриваемого нами совета должен считаться факт отмены ведомственного согласования в пользу совещания главных конструкторов. Соответствующие документы пока не найдены, поэтому вопрос о первом полномочном совещании главных остается открытым.

Подытоживая рассмотрение летных испытаний ракеты Фау-2 на полигоне Капустин Яр, хочу подчеркнуть, что их основное значение в организационном плане – это рождение формы *коллегиального технического руководства* в виде совещания специалистов различного ведомственного подчинения. При этом надо иметь в виду, что такая форма деятельности родилась исключительно в процессе работы специальной комиссии по проведению пусков ракеты А-4.

Каковы функции совещания главных конструкторов?

Та или иная форма деятельности появляется не сама по себе, а как отражение содержания этой самой деятельности. Любой специалист с техническим образованием скажет, что связующим компонентом между формой и содержанием всегда является функция.

Мы уже выяснили, что формой в данном случае стало совещание главных конструкторов. Содержанием мы считаем, конечно, разработку новых образцов ракетно-космической техники. Что касается функций совещания, то выше мы уже касались этого.

Отсутствие необходимых документов не позволяет нам проследить за проведением совещаний во времени. Ограничимся имеющимися протоколами периода подготовки первого пилотируемого полета и на их основании попробуем уточнить функциональную составляющую деятельности изучаемого нами коллектива.

В первую очередь рассмотрим протокол совещания главных конструкторов от 25 сентября 1960 г.³¹ Это заседание в некотором роде можно считать историческим, так как на нем принимались основные технические решения, позволившие перейти от разработки корабля-спутника к созданию непосредственно пилотируемого аппарата.

Полный состав присутствующих пока не выяснен, но среди выступающих на совещании были С. П. Королев, В. И. Яздовский, С. М. Алексеев, В. С. Ригман, Б. В. Раушенбах, Л. И. Гусев, Ф. А. Агальцов. Учитывая рассылку, можно в этот список добавить еще А. М. Исаева, В. П. Бармина, В. П. Глушко, В. И. Кузнецова, С. А. Косберг. На совещании присутствовало не менее 20 человек, председательствовал М. С. Рязанский, протокол вели проектанты из ОКБ-1 К. П. Феоктистов, Е. Ф. Рязанов, Н. П. Белоусов.

³¹ Отраслевой архив по ракетно-космической деятельности (Отраслевой архив). Ф. 007. Оп. 10.1. Д. 38. Л. 241–244.

Что можно сказать о должностном представительстве совещания? Яздовский – заместитель начальника института авиационной и космической медицины, Гусев – директор НИИ-695, где разрабатывались радиосистемы для «Востока», Агальцов – заместитель главнокомандующего ВВС. Остальные из вышеперечисленных действительно являлись главными конструкторами систем для корабля «Восток».

После доклада Королева последовало несколько выступлений по системам корабля и условиям полета человека. Но основное внимание было уделено рассмотрению безопасности человека на всех этапах полета.

Решение совещания привожу дословно:

1. Одобрить «Основные положения для разработки и подготовки объекта «Восток-ЗА»».

2. Считать согласованными основные исходные данные по системам объекта «Восток-ЗА». Дополнительные вопросы должны быть согласованы разработчиками в рабочем порядке в кратчайшие сроки.

3. Поручить главному конструктору КОРОЛЕВУ С. П. утвердить «Исходные данные на разработку системы аварийного спасения пилота объекта «Восток-ЗА»» в соответствии со схемой, изложенной в докладе.

4. Поручить ОКБ-1, НИИ-4 и ОПМ (Отделение прикладной математики Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР. – Л. В.) проработать вопрос о длительности нормального полета объекта «Восток-ЗА» (в пределах одних суток) и возможности максимального сокращения времени прогнозирования движения объекта, необходимого для выработки команд на спуск его в заданном районе ³².

По мнению автора, одну из функций совещания главных конструкторов очень четко формулирует п. 2 данного решения, и функция эта – согласовательная.

Задача согласования технических решений главными конструкторами особенно просматривается в документе от 7 октября 1960 г., направленном В. И. Кузнецовым в адрес С. П. Королева и Н. А. Пилюгина. В сопроводительном письме Кузнецов указывает, что по решению Комиссии по военнопromышленным вопросам при Президиуме Совета министров СССР состав гиropриборов для объектов должен был быть согласован В. П. Мишиным совместно с главными конструкторами до 25 августа. Совещание по данному вопросу не было проведено, поэтому Виктор Иванович взял на себя оформление соответствующего протокола и разослал его проект в ОКБ-1, НИИ-885 и в вышестоящие инстанции – Государственные комитеты по оборонной технике (ГКОТ), радиоэлектронике (ГКРЭ) и по судостроению (ГКС) Совета министров СССР ³³.

Через два с лишним месяца 19 декабря Мишин отправляет Кузнецову и Пилюгину предложения ОКБ-1 по характеристикам гиropриборов ³⁴, а

³² Там же. Л. 243–244.

³³ Там же. Л. 149–156.

³⁴ Там же. Л. 266–267.

31 декабря Пилюгин подводит черту под протоколом, утвердив окончательный состав разрабатываемого оборудования³⁵.

Небольшая ремарка. В представлении большого количества людей, интересующихся историей космонавтики, Совет главных – дружный сплоченный коллектив единомышленников, собиравшийся для решения возникавших проблем в любое время дня и ночи практически по телефонному звонку Королева. Нельзя исключить полностью существования такой практики, особенно в первые годы. Однако два приведенных протокола категорически свидетельствуют об обратном.

Не следует думать, что согласование было единственной задачей совещания. Поскольку главные конструкторы несли персональную ответственность за разработанные под их руководством системы, они обязаны были в качестве итога своей работы по конкретному изделию подготовить заключение для передачи готового изделия в следующую инстанцию, которой являлась Государственная комиссия по пуску.

Вот как это формулируется в «Основных положениях для разработки и подготовки объекта «Восток-3А»»:

...заключение о допуске ракеты-носителя и объекта «Восток-3А» к испытаниям в в/ч 11284³⁶ дается совместным решением главных конструкторов по результатам сборки и комплексных испытаний ракеты-носителя или объекта «Восток-3А»³⁷.

Подготовкой такого заключения и подписанием его, вероятно, функции совещания и ограничивались. Далее головные главные конструкторы работали в составе государственной комиссии до окончания программы полета изделия.

В работах Г. С. Ветрова есть указание на значительно более широкие полномочия совещания главных конструкторов, а именно – на право подготовки перспективных программ по ракетной технике. Ветров пишет, что 16 июля 1957 г. Королев перед совещанием на правительственном уровне обсуждал с главными конструкторами доклад «Предварительные результаты исследования перспектив развития ракет дальнего действия»³⁸. О самом совещании Георгий Степанович пишет в немногих словах, решение совещания не приводит, лишь указывает на общее мнение присутствующих, что доклад необходимо оформить в виде отчета. К сожалению, этой информации крайне недостаточно, чтобы делать какие-то выводы. Не имея в руках протокола данного заседания, оставляю пока это свидетельство Ветрова без комментариев.

Как правильно назвать?

Рассмотрим источники, позволяющие составить представление о терминах, употреблявшихся в ранний период истории космонавтики. Возьмем два до-

³⁵ Там же. Л. 269.

³⁶ 5-й научно-исследовательский испытательный полигон Министерства обороны СССР (НИИП-5, ныне космодром Байконур).

³⁷ Там же. Л. 256.

³⁸ С. П. Королев и его дело... С. 234–239.

кумента: протокол совещания главных конструкторов от 19 июля 1961 г.³⁹ и протокол совещания технического руководства от 27 июля 1961 г.⁴⁰ Оба совещания вел Королев. На первом присутствовали 34 человека, на втором – 29. В первом случае основным был вопрос подготовки систем обеспечения жизнедеятельности корабля «Восток-ЗА». На втором заседании главное внимание уделялось подготовке двигателей ракеты и ТДУ корабля к пуску второго пилотируемого аппарата.

Состав присутствующих на этих совещаниях отличался незначительно: 17 специалистов были и там, и там. Должностной состав практически одинаков: представители госкомитетов, на втором заседании представитель ВПК, а далее на обоих совещаниях главные конструкторы, заместители Королева, ведущий проектант и ведущий конструктор по «Востоку», военная приемка, космонавты и др.

На втором заседании сильнее представлены министерские структуры, но в остальном оба протокола идентичны: решаются аналогичные вопросы (система жизнеобеспечения в первом случае и готовность двигателей и средств радиосвязи во втором), по результатам обсуждения принимаются соответствующие решения. В обоих случаях протокол рассылается в вышестоящие организации и на профильные предприятия: в первом случае ОКБ-124, завод № 918, Летно-исследовательский институт, Государственный научно-исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины и помощнику главного конструктора на Байконуре; во втором – двигательные ОКБ и НИИ-695.

Сходство обоих протоколов, а значит, и самих совещаний приводит к выводу, что «совещание главных конструкторов» и «совещание технического руководства» суть одно и то же, только лишь названное по-разному. Конечно, двух документов совершенно недостаточно, чтобы с уверенностью делать такой вывод. Но применительно к главным конструкторам мы уже встречали термин «техническое руководство» на полигонных испытаниях 1947 г., что данными протоколами только лишний раз подтверждается.

Все же обратимся и к другим источникам.

В постановлении Совета министров СССР № 1239-630 «Об утверждении Комиссии по руководству испытаниями изделия Р-7» от 31 августа 1956 г. значится:

Совет министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить Комиссию по проведению летных испытаний изделия Р-7 в следующем составе:

Рябиков В. М. – председатель комиссии

Неделин М. И. – зам. председателя комиссии

Руднев К. Н. – зам. председателя комиссии

Королев С. П. – член комиссии – технический руководитель испытаний

³⁹ Архив Ракетно-космической корпорации «Энергия» им. С. П. Королева (АРКК). Д. 9460. Л. 59–70.

⁴⁰ Там же. Л. 95–102.

Рис. 4. Техническое руководство по испытаниям ракеты Р-7 (слева направо): М. С. Рязанский, Н. А. Пилюгин, С. П. Королев, В. П. Глушко, В. П. Бармин, В. И. Кузнецов. Байконур, 3 ноября 1957 г.

Глушко В. П. – член комиссии – зам. технического руководителя испытаний

Рязанский М. С. – член комиссии – зам. технического руководителя испытаний

Пилюгин Н. А. – член комиссии – зам. технического руководителя испытаний

Бармин В. П. – член комиссии – зам. технического руководителя испытаний

Кузнецов В. И. – член комиссии – зам. технического руководителя испытаний

Пересыпкин И. Т. – член комиссии

Мрыкин А. Г. – член комиссии

Владимирский С. М. – член комиссии

Ударов Г. Р. – член комиссии

Нестеренко А. И. – член комиссии

Пашков Г. Н. – член комиссии ⁴¹.

Цитируемый документ позволяет правильно аннотировать наиболее популярное фото (рис. 4), которое связывают с Советом главных. «Знаменитая

⁴¹ Задача особой государственной важности... С. 517.

Рис. 5. Главные конструкторы ракеты Р-7 (слева направо): А. Ф. Богомолов, М. С. Рязанский, Н. А. Пилюгин, С. П. Королев, В. П. Глушко, В. П. Бармин, В. И. Кузнецов. Байконур, 3 ноября 1957 г.

лавочка» на Байконуре известна каждому, кто хоть чуть-чуть соприкоснулся с историей космонавтики. Но далеко не все знают, что данный снимок является лишь частью первоначального документа (см. рис. 5). На нем необходимо остановиться подробнее.

Трудно сказать, кому первому пришло в голову провести с данным документом своего рода «хирургическую операцию». Что произошло? Некий деятель по своей воле отрезал от цельного снимка ту часть, которая его не устраивала, т. е. изображение главного конструктора телеметрической системы «Трал» А. Ф. Богомолова. Затем оставшейся части документа было дано название по принципу «как удобно».

В результате получился миф. Суть его состоит в том, что снимок шести человек мы называем *первым составом* Совета главных конструкторов. При этом возникновение совета относим к 1946 г., пусть даже к 1947-му, а фото предьявляем на 10 лет моложе. Спрашивается, где они были столько времени?

Чрезмерная популярность усеченного варианта (рис. 4) этого снимка привела к анекдотической ситуации (по свидетельству К. К. Белостоцкой), когда при публикации полного фото от ОКБ МЭИ, главным конструктором которого был А. Ф. Богомолов, потребовали акт экспертизы, удостоверяющий подлинность документа.

На самом деле полное право на существование имеет, конечно, первоначальный снимок, который следует назвать «Главные конструкторы ракеты

Р-7» или, если быть совсем точным, «Головные главные конструкторы ракеты Р-7». При правильной аннотации всё встает на свои места и почва для анекдотов исчезает.

Но если мы все же хотим дать название усеченному варианту, то должны обратиться к вышеприведенному постановлению: на снимке из шести человек представлено «Техническое руководство по испытаниям ракеты Р-7».

Кто главнее?

Существует устойчивое мнение, что решениям Совета главных конструкторов подчинялись даже министры. Об этом иногда рассказывают на экскурсиях в музеях (в том числе и автору настоящей статьи доводилось озвучивать эту мысль), в частных разговорах и пр. Например, в уже упоминавшейся книге «Совет Главных» читаем: «С решениями Совета главных считались и ЦК партии, и Совет министров»⁴².

Думаю, что эти утверждения требуют корректировки. Надо иметь в виду, что задачи, решаемые чиновниками министерств и конкретно министрами, существенно отличаются от задач технического руководства. Главный конструктор несет ответственность за качество своего труда, которое складывается из совокупности многих технических решений, принимаемых на подведомственном ему пространстве. Задачи любого министерства – организация и обеспечение производственного процесса и контроль выполнения постановлений, планов и прочих директив. То есть функции министерств – административные, а главных конструкторов – технические. Проиллюстрируем данное утверждение цитатой из Чертока:

Министры и правительственные чиновники, имевшие непосредственное отношение к ракетно-космической тематике, были не в силах противостоять авторитету Совета главных. Иногда они сами участвовали в его работе [...] в целом поддерживали технические предложения совета⁴³.

Вероятно, читатель согласится, что «не противостоять авторитету» и «подчиняться решениям» – далеко не одно и то же.

«...Поддерживали технические предложения совета». А как же иначе?! «Богу – Богово, кесарю – кесарево!» Из ситуации, в которой министр вмешивается в технические решения главного конструктора, можно сделать лишь тот вывод, что один из них не соответствует занимаемой должности. И речь в высказывании Чертока идет, по мнению автора, не о подчинении одних другим, а о разделении функций.

Что касается реальной субординации, то об этом достаточно сказано в документах.

Приказ ГКОТ № 213сс от 18 мая 1960 г. касался выполнения постановления от 10 декабря 1959 г. «О развитии исследований по космическому пространству». Читаем:

⁴² Белоглазова... С. 73.

⁴³ Черток. Ракеты и люди... С. 10.

[ВПК] поручила т.т. Королеву и Келдышу с участием главных конструкторов смежных организаций разработать в недельный срок предложения о порядке работ по тщательной подготовке материальной части и проведению запуска космических объектов, имея в виду обеспечить ее надежную работу ⁴⁴.

Еще один приказ ГКОТ № 96 от 15 марта 1961 г.:

3. Главному конструктору ОКБ-1 т. Королеву:

– подготовить в двухнедельный срок и представить в Госкомитет согласованную с главными конструкторами программу отработки объекта «Восток-2» в 1961 году [...]

– в двухнедельный срок рассмотреть и согласовать технические задания на комплекс «Восток-4», комплектующие системы и аппаратуру и о результатах согласований доложить в Госкомитет;

– в двухнедельный срок представить в Госкомитет согласованные с главными конструкторами предложения о проведении в 1961 году проектной разработки нового объекта типа «Восток» (на базе изделия 8К78 ⁴⁵) с расширенными задачами в оборонных целях ⁴⁶.

Если читатель помнит, в 1947 г. ситуация была развернута ровно на 180 градусов: там Королев предлагал ведомствам «согласовать» документацию.

Итак, еще одно устоявшееся мнение о деятельности Совета главных конструкторов не получает подтверждения, как только мы обращаемся к документам. Не министры подчинялись выработанным главными конструкторами решениям, а сами совещания конструкторов инициировались приказами сверху.

И данное обстоятельство дает повод лишний раз заострить внимание на необходимости наиболее точных словесных формулировок при описании тех или иных событий. В противном случае мы сами невольно оказываемся создателями мифов при написании исторических работ.

О терминологии

В развитие мысли о точности формулировок хотелось бы обратить внимание читателя на вопрос, связанный с использованием термина «Совет главных конструкторов». В предыдущих разделах, по возможности, автор старался избегать его применения. Почему? Дело в том, что в документах рассматриваемого периода (вплоть до 1961 г.) использование данного термина не устоялось. Это касается не только тех документов, к содержанию которых уже привлекалось внимание, но и нескольких других, имеющих в распоряжении.

Дневники Н. П. Каманина, заместителя начальника Главного штаба ВВС, зафиксировали «многие важнейшие события “утра космической эры”, в которых он принимает самое непосредственное участие», как сказано в предисловии к книге. Вплоть до кончины Королева в записях Николая Петровича

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1414. Л. 33.

⁴⁵ Четырехступенчатая ракета-носитель «Молния».

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 2021. Л. 203.

мы встречаем только такие формулировки: «Королев и главные конструкторы», «Госкомиссия и главные конструкторы», «техническое совещание» или «совещание технического руководства». Впервые запись «Совет главных» появляется лишь под датой 10 декабря 1966 г., а «совещание главных конструкторов» – еще позднее.

Далее обратимся к воспоминаниям сотрудников ОКБ-1, участников подготовки первых пилотируемых полетов, которые были написаны во исполнение приказа Королева № 26 от 30 июля 1961 г. Текст приказа гласит:

В целях сохранения практического опыта и отдельных технических фактов, данных и пр. по осуществлению полета первого советского человека на космическом корабле-спутнике «Восток» в космическое пространство (12 апреля 1961 г.) –

ПРИКАЗЫВАЮ:

Пом[ощнику] зам[естителя] главного конструктора т. ДОРОФЕЕВУ В. А., начальникам отделов т.т. КРЮКОВУ С. С., КОРЖЕНЕВСКОМУ Э. И., ЮАСОВУ И. Е., АБРАМОВУ А. П., ТИХОНРАВОВУ М. К., БОЛДЫРЕВУ Г. Г., ЛАВРОВУ С. С., БРОДСКОМУ Э. Б., РАУШЕНБАХУ Б. В., РЯЗАНОВУ Е. Ф. и начальнику цеха тов. ИВАНОВУ В. М., а также ведущему конструктору тов. ПАЛЛО А. В. представить в описательной форме наиболее интересные процессы конструирования, производства, испытания, подготовку старта, а также старт космического корабля «Восток» с ракетододрома.

Кроме того, желательно описать процесс наблюдения наземными станциями за полетом корабля, связь с ним, а также приземление, если такие данные имеются.

Указанным начальникам подразделений привлечь к составлению этого описания ведущих лиц, принимавших непосредственное участие в работах над «Востоком».

Все указанные материалы представить т. КОРНЕЕВУ Л. К. к 1-му сентября с. г.

Контроль по выполнению настоящего приказа возложить на начальника группы Л. К. КОРНЕЕВА⁴⁷.

Ценность собранных воспоминаний для наших исследований объясняется двумя важными, по мнению автора, обстоятельствами. Во-первых, время написания – 1961–1962 гг., т. е. зафиксированы самые свежие впечатления. Во-вторых, работа велась в закрытом режиме, а значит, авторы имели возможность, что называется, не стесняться в выражениях, так как писали в отсутствие цензуры.

При подготовке сборника документов к 50-летию полета Ю. А. Гагарина часть этих воспоминаний была рассекречена. В общей сложности в распоряжении оказались воспоминания 17 участников работ. Поразительный факт – на 264 листах воспоминаний – ни разу не упоминается словосочетание «Совет главных», лишь один раз встречается термин «совещание главных конструкторов». Приведем данную цитату из текста, датированного 4 апреля 1962 г. (имя автора пока не установлено):

⁴⁷ АРКК. Д. 2270. Л. 10–11.

«В начале ноября 1958 г. (порядка 10–14 ноября) под руководством С. П. Королева состоялось совещание главных конструкторов по вопросу работ над созданием аппаратов для полета человека и спутников-разведчиков.

На совещании были заслушаны доклады С. П. Королева по постановке задачи, К. П. Феоктистова – по проекту спутника с человеком, Н. П. Белоусова по вертикальному (до высоты 100–150 км) полету человека на ракете, Е. Ф. Рязанова по спутнику-разведчику.

Совещание пришло к заключению о целесообразности проведения работ по созданию спутника с человеком, подтвердило целесообразность вести работы по созданию спутника с человеком и спутника-разведчика на базе единой конструкции.

Кроме того, совещание пришло к заключению о нецелесообразности (здесь и выше подчеркнуто в документе. – Л. В.) продолжения работ по проекту вертикального полета человека, поскольку этот проект в принципе не решал задачу сколь-нибудь длительного полета человека в космическое пространство, а работы по этому проекту могли задержать работы по созданию спутника с человеком ⁴⁸.

Среди всех воспоминаний этого периода заслуживает отдельного рассмотрения работа уже известного нам А. И. Осташева. 73 страницы его воспоминаний от 15 марта 1962 г. содержат некоторый общий исторический анализ развития техники и научных исследований, позволивших осуществить успешный пуск 12 апреля 1961 г. Также Аркадий Ильич рассказывает об отдельных пусках, предшествующих пилотируемому полету.

Например, Осташев очень подробно описывает ситуацию с полетом корабля 1КП ⁴⁹, сложности с системой ориентации, выявившиеся по данным телеметрии, и поведение в этой ситуации членов оперативных групп в Болшево и Тюра-Таме. Приводит анализ данных, находившихся в распоряжении той и другой группы, и рекомендации каждой из них на основании имеющихся данных. Подробно останавливается на мотивах, сподвигших Королева к решению спускать корабль, используя отказавшую систему.

Разбирая сложности следующего пуска, повлекшие из-за возникших пульсаций в двигателе гибель корабля и собачек, Осташев останавливается на главных выводах из анализа этой аварии, которые «оказались весьма поучительными для переоценки стиля» работы вообще. Дальнейший текст посвящен полетам остальных технологических кораблей, а также первых двух пилотируемых. Есть в тексте и лирические отступления, и критика государственного руководства в части чрезмерного засекречивания участников работ, но нет ничего об особом стиле совещаний с главными конструкторами.

Может быть, Аркадий Ильич не принимал участия в таких заседаниях? Однако его фамилия значится, по крайней мере, в анализируемом выше протоколе совещания технического руководства от 27 июля 1961 г. В его воспоминаниях как раз упоминается история, произошедшая на этом совещании:

⁴⁸ АРКК. Д. 2924. Л. 190.

⁴⁹ Технологический корабль-спутник «Восток» без системы жизнеобеспечения, теплозащиты и средств спуска был выведен на орбиту 15 мая 1960 г. для проверки работы основных систем корабля.

Вспоминается один интересный эпизод взаимной пикировки двух главных конструкторов двигателей: В. П. Глушко и С. А. Косберга.

Обсуждался вопрос о надежности двигателей: В. П. Глушко, выслушав сообщение С. А. Косберга, высказал мысль, что статистика мала и надо бы ее иметь достаточной для полной уверенности в надежности двигателя разработки С. А. Косберга. На это С. А. Косберг шутливо возразил: «Вот бы мне, Валентин Петрович, Вашу способность любые процессы и явления в двигателе обосновывать, как вполне ясные и в то же время только положительные».

Этим, правда, С. А. Косберг не избавил себя от набора дополнительной статистики. Его обязали провести не менее 5-ти контрольных запусков на стенде⁵⁰.

Из всего совещания для Осташева примечательным оказался только этот эпизод, и... никаких восторгов по поводу организационных особенностей! Одно из обычных текущих обсуждений. Приведу еще небольшую лингвистическую статистику данного документа.

В тексте (как уже было отмечено, на 73 страницах) встречаются словосочетания:

«главные конструкторы» – 2 раза,

«Госкомиссия» – 14 раз,

«совещание (или обсуждение) у С. П. Королева» – 8 раз,

«С. П. Королев – технический руководитель» – 7 раз.

В связи с этим встает вопрос: почему Аркадий Ильич, участвующий непосредственно в обсуждениях главных конструкторов, ничего не пишет о работе такого совещания, о существовании Совета главных как такового?

Возможный ответ видится в формулировке Сергея Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи...» Как правило, участники любых грандиозных событий в момент самих событий воспринимают ситуацию обыденно, осознание значимости приходит со временем. Вполне возможно, что в рассматриваемый период совещание главных конструкторов являлось обыкновенным рабочим моментом.

Тем не менее именно эти воспоминания Осташева заставляют относиться с сомнением к его высказываниям 1993 г. относительно заседания совета в июне 1947 г.

Какие свидетельства мы можем предъявить еще?

Запись в ежедневнике главного конструктора стартовых комплексов В. П. Бармина:

28 февраля [1966 г.] «Совещание гл[авных] конструкторов у Челомея по 700 с 3^х до 5 ч»⁵¹.

2 июня [1966 г.] «в 10 ч. до 2 дня Совет в ОПМ (Келдыш) по модернизации 500»⁵².

⁵⁰ Там же. Л. 143.

⁵¹ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-319. Оп. 1. Д. 59. Л. 28 об. Под «700» имеется в виду ракета УР-700, над которой в то время работало ОКБ В. Н. Челомея.

⁵² Там же. Л. 80 об. Речь о ракете УР-500, космическая модернизация которой УР-500К более известна как ракета-носитель «Протон».

Почему бы Бармину в своем дневнике (для себя!) не написать более удобное и короткое сочетание «Совет главных у Челомея»? А на другой date он пишет «Совет», имея в виду «узаконенный» Межведомственный совет по исследованию космического пространства, председателем которого и являлся М. В. Келдыш.

Подтверждением мысли об отсутствии термина «Совет главных» в первые 20 лет советской космонавтики могут стать материалы архива Г. С. Ветрова. Георгий Степанович в течение почти трех десятков лет работал с архивом ОКБ-1 (ныне РКК «Энергия»), а также с фондами государственных архивов. Он был кропотливым исследователем и очень аккуратно относился к содержанию документов, к использованию формулировок, и в этом может считаться хорошим ориентиром для многих авторов исторических работ.

Все это позволяет утверждать, что содержание записей Ветрова с большой степенью достоверности отражает содержание изученных им документов. В картотеке историка самое раннее указание на документы, зафиксировавшие совещания главных конструкторов, относится к 25 декабря 1952 г. и вплоть до 1967 г. все выписки относительно нашей темы содержат этот термин. Впервые в его картотеке «Совет ГК» встречается под датой 5 мая 1967 г. И дальнейший интерес представляет еще одна карточка: «68.05.15 ВПК решением 123 утвердил положение о Совете гл[авных] конструкторов»⁵³.

Итак, говоря о раннем периоде советской космонавтики, мы не имеем оснований говорить о Совете главных, а можем употреблять лишь термины «совещание главных конструкторов» или «техническое руководство», как мы видим это из различных источников. Также необходимо помнить, что форма совещания главных конструкторов впервые появилась в процессе работы спецкомиссии при летных испытаниях ракеты А-4 в 1947 г., связь между этими двумя коллективами еще предстоит исследовать.

Но напрашивается закономерный вопрос: почему нельзя вместо слова «совещание» использовать более короткое, а значит, удобное «совет»?

Слова «совещание» или «руководство», по мнению автора, имеют смысл некоторого происходящего или происшедшего действия. Они указывают, скорее, на вид деятельности, форму принятия решений.

Слово «совет» для нас ассоциируется прежде всего с такими привычными понятиями, как Верховный Совет, Совет обороны, Совет Федерации, Межведомственный Совет по космическим исследованиям. То есть в нашем сознании под этим термином вольно или невольно возникает некий орган, узаконенный каким-либо документом и имеющий постоянный состав.

Совещание ГК было «узаконено» и стало официальным Советом главных конструкторов именно 15 мая 1968 г., хотя данный термин начал употребляться раньше, что зафиксировано в дневниках Каманина и вытекает из записей Ветрова.

Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении документы применительно к первым двум десятилетиям не подтверждают наличия постоянного состава из шести наиболее часто упоминаемых личностей на совещаниях

⁵³ ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. Л-328. Оп. 2. Д. 37 (фонд Ветрова не прошел научного описания, а только поставлен на учет, поэтому нумерация дел и листов условные).

главных конструкторов. Но эти же документы свидетельствуют об удачной форме согласования и принятия решений и вообще технического руководства разработкой ракетно-космической техники. И в организационном плане эта форма явилась своего рода ноу-хау научной организации труда.

References

- Sudakov, V. S., Rarhmanin, V. F., Kazlov, F. C. et al. (eds.). *Izbrannye raboty akademika Glushko [Selected Works of Academician Glushko]* (2008). Khimki: OAO "NPO Energomash".
- Beloglazova, E. T. (2007) *Sovet Glavnykh [The Council of Chief Designers]*. Moskva: Patriot.
- Chertok, B. E. (1994) *Rakety i liudi [Rockets and People]*. Moskva: Mashinostroenie.
- Ivkin, V. I. and Sukhina, G. A. (2010) *Zadacha osoboi gosudarstvennoi vazhnosti. Iz istorii sozdania raketno-iadernogo shchita i raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya (1945–1959 gg.) [The Task of Special State Importance. From the History of Nuclear Missiles and the Strategic Missile Forces (1945–1959)]*. Moskva: ROSSPEN.
- Kachur, P. I. and Glushko, A. V. (2008) *Valentin Glushko. Konstruktor raketnykh dvigatelei i kosmicheskikh korablei [Valentin Glushko. A Designer of Rocket Engines and Space Systems]*. Sankt-Peterburg: Politehnika.
- Raushenbakh, B. V. (1998) *S. P. Korolev i ego delo. Svet i teni v istorii kosmonavтики. Izbrannye trudy i dokumenty [S. P. Korolev and His Business. Lights and Shadows in the History of Astronautics. Selected papers and documents]*. Moskva: Nauka.
- Solomko, Iu. M. (2002) *...Byl veku nuzen Korolev. Po stranitsam arkhiva Memorial'nogo doma-muzeia S. P. Koroleva [...The Century Needed Korolev. A Review of the Archive of S. P. Korolev's Memorial Museum House]*. Moskva.